РЕЦЕНЗИЯ НА МОНОГРАФИЮ Д. С. УШАКОВА «ТРИСТАЗИС: ПАРАДИГМА, АРХЕТИПИКА, МЕТАМОРФОЗЫ, ПРАКТИКА»

Данная монография представляет собой масштабный и амбициозный философский проект, претендующий на создание новой онтологической парадигмы - *Тристазиса.* Автор предлагает радикальный пересмотр оснований классической диалектической традиции в философии и стремится сконструировать новый философский метаязык для описания нелинейной динамики любых сложных систем - от космологических процессов до социальных трансформаций и психических состояний.

Исследование состоит из четырех частей, в которых последовательно разворачивается авторская концепция: от онтологического фундамента («Парадигма») через социокультурные процессы («Архетипика») и спекулятивный прорыв к пределам существующего порядка («Метаморфозы») и деконструкции прежней антропологической модели (утверждение нового гуманизма), а также через конкретные инструменты действия («Практика»). Такой охват и переходы придают работе целостность и внутреннюю логичность.

Основной тезис автора сводится к следующему: бинарная логика классической диалектики неспособна описать сложный нелинейный современный социум, перманентно находящийся в транзитивном состоянии. В качестве альтернативы автор предлагает собственную модель — Тристазис. В ее основе лежит идея не борьбы противоположностей, а напряжённого взаимодействия трех начал: Таксиса (Порядок, структура, каркас); Хизиса (Связь, распад, живая среда); Диаференсиса (Разрыв, событие, рождение нового). Диалектическая связь этих начал и определяет динамику развития и качественных трансформаций природы, общества и человека.

Автор предлагает новую онтологию, которую определяет как «... спекулятивную онтологию, продолжающую традицию Платона, Г. Лейбница,

Ф. Шеллинга и А. Уайтхеда, где философия понимается не как служанка наук, а как самостоятельный поиск предельных оснований и универсальных паттернов бытия» (С. 340).

Для описания механизма новой онтологической модели автор предлагает собственный язык, поскольку, по его мнению, понятия классической философской мысли утратили свою адекватность для понимания современного мироустройства. Именно это приводит автора к созданию собственного оригинального понятийного аппарата, посредством которого он описывает специфику «эпохи тотального интеррегнума». С логикой автора можно концептуально согласиться, поскольку в настоящее время мы находимся в условиях турбулентной, кризисной и сетевой реальности. Базовыми понятиями выступает триада:

Таксис - стремление к порядку, структуре, которое позволяет противостоять энтропии;

Хизис - сила распада, тенденция к деконструкции, высвобождающая энергию для обновления;

Диаференсис - творческий взрыв, качественный скачок, возникающий в точки накопления предельного напряжения между вышеназванными началами.

Еще одним фундаментальным понятием выступает радикально переосмысленный исследователем термин платоновской философии - «Хора». Согласно авторской позиции, Хора - это условие реализации возможности существования трех онтологических начал. Введение и разработка категорий Таксис, Хизис, Диаференсис, разворачивающихся в пространстве Хоры, является фундаментальным вкладом автора в современный философский дискурс, посвященный онтологической проблематике.

Такой концептуальный каркас позволяет создать оригинальную онтологическую концепцию, в которой развитие любой системы рассматривается не как движение к гармонии и завершенности, а как

поддержание ее возможностей для перманентного развития и как ее адаптацию к меняющимся условиям.

Центральная идея автора заключается в том, что развитие любой сложной системы происходит не в состоянии покоя, а в режиме поддерживаемого напряжения между тремя началами (Таксис, Хизис, Диаференсис), является эвристически значимым моментом для понимания онтологии современного мира. По замыслу Д. С. Ушакова, Диаференсис выступает в качестве не примиряющего синтеза,разрешающего накопленные противоречия, а в качестве катализатора конфликта, выступающего источником новизны. Это делает онтологическую модель автора процессуальной и открытой.

Идея о том, что развитие любой системы происходит не в покое и в равновесии, а в режиме напряжения между тремя началами, обладает серьёзным эвристическим потенциалом. Данный подход позволяет по новому взглянуть на природу кризисов, с учетом понимания их конструктивно-деструктивной двойственности. Автор правомерно указывает, что кризисы - это неизбежные фазы развития системы в процессе ее усложнения.

Часть 1. «Парадигма» закладывает онтологический фундамент авторской концепции. Глава 1 представляет собой критику классической (бинарной) диалектики и гегелевской триады. Автор обосновывает их методологическую неспособность объяснять динамику современных процессов. В связи с этим в главе 2 автор вводит понятия Таксис, Хизис, Диаференсис, посредством которых объясняет принципы развития систем в пространстве «Хоры». Глава 3 утверждает Хору и три начала в качестве универсальных оснований бытия системы. В Главе 4 описывается переход от статики к динамике отношений, акцентируется внимание на процессуальности бытия. В Главе 5 и 6 автор обращается к анализу Архетипов как социальных сил (Власть, Капитал, Культура), которые упорядочивают мир и управляют сознанием

людей. По сути, Архетипы завершают построение парадигмы анализом субъективности (сознания) как «поля битвы» данных сил.

Часть 2. «Архетипика». Здесь автор подробно рассматривает влияние Архетипов на человеческую цивилизацию. Каждая глава представляет собой глубокий и нетривиальный анализ Капитала (Гл. 7), Власти (Гл. 8), Культуры (Гл. 9), которые, с точки зрения автора, представляют три фундаментальные силы, определяющие конфигурации социальной системы.

Автор правомерно указывает на то, что Капитал «стремится превратить всё живое и социальное в предсказуемый, оптимизированный ресурс, вытравив из него саму возможность альтернативного развития, замещая монокультурами, стандартизированными генотипами и патентованными семенами бесконечное разнообразие и адаптацию природы <...> до одной доминирующей: «потребитель-поставщик», стирая саму возможность выбора, маргинализируя любые не-рыночные формы солидарности. Высшая, хотя и не рефлексируемая цель Капитала - создать мир, где иллюзия выбора маскирует его полное отсутствие, где выбор низводится до акта потребления внутри заранее заданных координат» (С. 221). Очевидно, что данный подход в полной мере отражает нынешнюю модель «общества потребления», в которой человек выступает исключительно в качестве потребителя, а значит лишается качества субъектности, превращаясь в объект воздействия обезличенной современной экономической модели.

Интересным представляется анализ отношений в системах «Капитал vs. Власть», «Капитал vs. Культура». Автор вполне обосновано утверждает, что отношения «Капитал vs. Власть» демонстрируют «противостояние двух несовместимых логик легитимации». По мнению Д. С. Ушакова, *«Власть ограничивает Капитал, устанавливая «правила игры» - правовое поле, которое есть попытка подчинить логику прибыли логике общественного договора»* (С. 222). Однако, здесь следует учитывать влияние капитала на легитимацию необходимой для его целей системы власти.

Можно согласиться с тем, что противостояние Капитала и Культуры реализуется на духовном уровне, идет борьба за души людей, за систему ценностей, определяющей их моральный выбор и поведение в обществе: *«Капитал предлагает смысл через потребление, статус, обладание. Культура же предлагает смысл через традицию, веру, эстетику, этику, принадлежность и трансцендентное; её язык - язык ценности, тонкий, многомерный, контекстуальный и принципиально внеэкономический»* (С. 222-223). В этом смысле, Культура тоже представляет собой Власть, но власть духовную.

Особого внимания заслуживает интерлюдия «7/8 - Столкновение: Рим и Карфаген в онтологии накопления», где автор рассматривает противостояние двух античных цивилизаций как извечный архетипический конфликт между логикой территории/суверенитета (Таксис) и логикой потока /сети (Хизис),

По мнению автора, Рим и Карфаген символизирует собой две разные социальные системы, опирающиеся в своем развитии на различные виды Капитала (экономической модели). Именно это определяло их вечный конфликт, который был обусловлен не только экономическими интересами, но и борьбой за доминирование в области культуры (ценностей, мировоззрения, идеалов и пр.). Как отмечает автор, *«конфликт трансформировался из соперничества за ресурсы и влияние в цивилизационную битву, в которой победа одной модели означала не просто политическое преобладание, но и утверждение в качестве доминирующей на многие века вперед определенной конфигурации Архетипов Капитала, Власти и Культуры»* (С. 232). Более того, интересным представляется экстраполяция данной модели на отношения коллективного Запада и России. Их вечное противоборство, с точки зрения автора, «являет собой классическую схватку двух внешних, но чистых воплощений Архетипов Карфагена и Рима» (С. 257).

Современное геополитическое противостояние России и Запада автор рассматривает с позиции концепции Тристазиса, справедливо указывая на то,

что борьба за ресурсы трансформировалась в экзистенциальное противостояние двух цивилизационных миров.

В своем анализе Архетипа Власти автор опирается на идеи Ф. Ницше, подчеркивая, что «воля к власти», лежащая в основе данного архетипа, это некое метафизическое начало, имманентно присущее коллективному бессознательному, определяющему тенденции развития социальных структур. Механизм реализации Архетипа Власти действует согласно закону Тристазиса, а именно, через Таксис, Хизис и Диаференсис. Это свидетельствует, что автор последовательно придерживается собственной методологической линии: рассмотрение различных форм власти на основе собственной онтологической концепции. Более того, автор подробно анализирует конфигурации этих начал в различных типах общества: традиционном, обществе модерна и постмодерна.

Интересным является анализ отношений между Капиталом и Властью в цифровом обществе, где последняя начинает утрачивать контроль над реальным социальным пространством, поскольку последнее переходит в формат виртуальности. Импонирует вывод автора, что Современная Власть *«…больше не может предложить гражданам великой идеи или сакральной миссии, все, что ей остается, - это предложить «соучастие» в наименьшем из зол»* (С. 297). Действительно, время великих идей прошло, человек погрузился в мир повседневности.

Анализируя «архитектуру символического порядка», автор подчеркивает значимость Архетипа Культуры, который собственно и создает символический мир человека. В этой части автор осуществляет переход от метафизики к антропологии, рассматривая человека как символическое существо, творящее мир символов и живущее в нем. Этот символический мир дает людям духовные опоры, а именно, те высшие смыслы, которые позволяют им выживать. Здесь также реализуется модель Тристазиса, объясняющая динамику культуры, ее процессуальность, в ходе которой рождаются новые культурные формы.

Важным является то, что автор проводит различия между тремя фундаментальными Архетипами - Капиталом, Власть и Культурой: если движущей силой Капитала является имманентное стремление к возрастанию, Власти к автоматическому сохранению и воспроизводству, то для Культуры свойственна постоянная рефлексия, самопознание всех своих проявлений (данный тезис пересекается с учением Г.В.Ф.Гегеля о самореализации Абсолютной Идеи через мир человеческой культуры). Автор пишет: *«уникальность Архетипа Культуры проявляется в двойной рефлексии: её Таксис способен вопрошать о собственных основаниях, а её Хизис - рефлексировать над собственной природой. Власть и Капитал используют начала как инструменты для достижения внешних целей - господства и накопления. В Культуре же они становятся целями сами для себя, ведя бесконечный диалог о собственной сути. Она - единственный Архетип, где порядок способен к самокритике, а энергия - к самопознанию»* (С. 333). Данное понимание мощи Культуры относительно других Архетипов дает надежду, что именно она, в конечном счете, определяет онтологические основы мира.

Часть 3. «Метаморфозы». В этой части автор предлагает свою метафизическую модель, описывающую универсальный механизм возникновение новых свойств системы (эмерджентности) на всех уровнях: от космогенеза до социальной эволюции и антропологического перехода. Здесь автор снова разворачивает свой «Тристазис» - устойчивый консенсус трех неустойчивых онтологических начал - Таксиса, Хизиса и Диаференсиса (они неустойчивы в том смысле, что даже окостеневший Таксис в какой-то момент взрывается изнутри, высвобождая энергию для изменения системы в целом).

Данная триада применяется к анализу современных Архетипов (Капитала, Власти, Культуры), что дает основания автору сделать вывод о неизбежности «Великого Перехода» к «Третьей природе». Последняя связана с новой радикальной версией постгуманизма.

Третья часть монографии разбита на две главы, каждая из которых выполняет строго определенную функцию в развертывании авторской аргументации.

Гл. 10 «Переход. Метафизика Великого взрыва» задает космологическую рамку исследования. Здесь автор переосмысливает природу Большого Взрыва, рассматривая его не как физическую сингулярность, а как реализацию своей модели Тристазиса, в которой «онтологические потоки» (Таксис, Хизис и Диаференсис) приводят к порождению материи и пространства-времени, то есть сущностных (субстанциальных) атрибутов бытия.

Особого внимания заслуживает интерпретация эволюционных переходов (от химии к жизни, от одноклеточных организмов к многоклеточным, от локальных форм социальности к цивилизационным мирам). Данные эволюционные процессы, согласно автору, также осуществляются на основе закона Тристазиса.

Гл.11 «Оправдание. Антигуманизм как освобождение» совершает резкий антропологический поворот. Автор утверждает, что гуманизм, провозгласивший человека центром мироздания, себя исчерпал. Он породил Архетипы (Капитал, Власть, Культура), которые обернулись против него самого: *«человек разумный был рабом собственного творения. Его разум, этот «венец природы», стал самым изощренным инструментом его же закабаления. Он был «топливом» для систем, которые извращали его сущность - способность к трансценденции, игре, творчеству - и ставили её на службу чуждым целям накопления, контроля и симуляции смысла»* (С. 420-421).

Разум, понимаемый как инструмент рефлексивного самоограничения, предстаёт у автора не условием свободы, а преобразовывается в механизм принуждения. В этой связи автор пишет, *«гуманизм, провозгласивший свободу, породил неслыханные формы закабаления: железные клетки рациональности (М.Вебер), административный холокост (Бауман), экономику одиночества. Он*

обещал освобождение через знание, но знание стало инструментом господства - над природой, над другими, в итоге - над самим собой. Мы стали рабами Архетипов, которые сами же и создали: Капитала, низводящего жизнь до бухгалтерской строки; Власти, подменяющей мораль целесообразностью; Культуры, приносящей индивида в жертву абстрактному смыслу» (С. 403-404).

По мнению автора, кризис гуманизма, который одновременно возвеличил человека и обнажил его биологическую сущность, представляет собой закономерный итог усложнения социальной системы: *«известная нам история - это не история восхождения свободного разума, а история порабощения человеческого интеллекта созданными им же Архетипами»* (С. 406).

В этом аспекте автор рассматривает и появление технологий искусственного интеллекта, которые, согласно его видению, представляют собой не альтернативные формы жизни, а эволюционно продвинутых агентов, потенциально формирующих основу для будущих Архетипов.

Таким образом, функционал современного человека как «ускорителя» развития системы сегодня исчерпан. Практически он уже выполнил свою задачу в качестве прозводителя трех базовых Архетипов, определяющих процесс усложнения системы. В настоящее время данная функция переходит к другим - технологическим агентам, имеющим искусственную технологическую природу.

Однако автор парадоксальным образом превращает этот «новый гуманизм» в высшую форму гуманизма: освобождение от бремени «центра мироздания» открывает путь к «Эре Чувствования», то есть такому модусу бытия, где Homo Agens и Homo Sapiens превращается в Homo Patiens, который способен к непосредственному (эмоциональному, эмпатическому) взаимодействию с миром.

Часть 4. «Практики». Данная часть является кульминацией всего проекта. В ней авторская онтологическая модель воплощается в реальности.

Если первые три части выстраивали спекулятивный фундамент (парадигма, архетипика, метаморфозы), то здесь автор переходит от созерцания к действию, от описания конфликта к искусству управления им. Данная часть уже не теоретические размышления о закономерностях развития сложных систем, а развернутая методологическая матрица, претендующая на универсальную применимость ко всем сферам жизни (психическая деятельность, система образования и управления, политика, искусство). Здесь автор применяет свой метод диаферетики - диагностики дисбаланса системы. В этой части осуществляется критический анализ различных философских подходов (В. Г. Ф. Гегель, С. Кьеркегор, Ж. Бодрийяр, Ж. Делез, С. Хассен и др.), что демонстрирует сопричастность автора к историческому и современному философскому дискурсу. Критикуя подходы представителей как классической, так и неклассической философской традиции автор позиционирует свою модель Тристазиса как универсальный инструмент для понимания принципов функционирования различных сложных систем. По сути, авторская теория Тристазиса в этой части работы приобретает качества инструментальности («онто-инжиниринг»), что иллюстрируется рядом предлагаемых автором кейсов. В тоже время следует отметить, что пытаясь «втиснуть» любую реальность в предлагаемую онтологическую схему «Таксис - Хизис - Диаференсис», автор стремиться уйти от возможных обвинений в редукционизме. В связи с этим он утверждает, что предлагаемая схема не является абсолютной истиной, а выступает своеобразным «интерфейсом», помогающим выделять основные тенденции развития различных систем. Поэтому автор критически подходит к собственной методологии Тристазиса, отмечая, что она содержит в себе имманентный риск редукционизма, но *«признание этого риска - не слабость, а первый императив ответственности, вытекающий из собственных принципов Тристазиса»* (С. 439). Позиционируя эффективность своей методологии, автор обращает внимание на то, что это инструментарий для анализа кризисных состояний системы. То есть

«методология Тристазиса - это не «философия для мирного времени», а стратегический кодекс для времени кризиса, сознательно принимающий на себя ответственность за неизбежное упрощение, дабы это упрощение стало не концом мысли, а началом осмысленного и ответственного действия» (С. 441).

Текст этой части работы организован как серия концентрических кругов: от общих императивов (Гл. 12) - через онто-инжниринг (Гл.13) и корпоративные кейсы (Гл. 14) - к психологии (Гл. 15), образованию (Гл. 16), искусству (Гл. 17) и политике (гл. 18). Завершает все «Исход» - эпилог, подводящий итог всему «философскому путешествию»!

Знакомство с монографией Д.С.Ушакова позволяет выделить в ней **конструктивные и дискуссионные моменты.**

Безусловно данный текст обладает **актуальностью и научной новизной.** Автор стремится дать ответ на онтологический кризис современности, который в его концепции представлен кризисом «Архетипов Второй Природы» - Капитала, Власти и Культуры, достигших сегодня пределов своего развития. В ситуации когда классическая и неклассическая (постмодернизм) парадигмы обнаруживают пределы своих объяснительных возможностей, автор предлагает новую радикальную онтологию.

На наш взгляд, **новизна работы заключается в следующих ключевых аспектах**:

— Отказ от классической гегелевско-марксисткой диалектики с ее телеологией снятия в пользу модели перманентного и продуктивного конфликта. Третье онтологическое начало (Диаференсис) трактуется не как примирение, а как катализатор кризиса и источник порождения нового.

— Разработка нового философского языка для анализа сложных систем в состоянии дисбаланса. В противовес классическим и неклассическим философским подходам (марксизм, психоанализ, постмодернизм, синергетика),

которые критикуются автором за статичность и телеологичность, автор предлагает свою модель - Тристазис. Именно трехчастная система (Таксис, Хизис, Диаференсис), по мнению автора, позволяет не только диагностировать динамику развития системы, но и предлагать адекватную стратегию ее дальнейшего развития. Этот язык работает как «интерфейс», позволяя связывать в единое целое разнородные явления.

— Методологическая модель автора позволяет «снимать» классические оппозиции: порядок/хаос, рациональное/иррациональное, структура/событие. Эти категории перестают рассматриваться как противоположности и становятся неотъемлемыми составляющими единого процесса развития системы.

— Работа демонстрирует уникальный синтез разнородных интеллектуальных традиций (феноменология, неомарксизм, психоанализ, экзистенциализм, синергетика, постструктурализм и др.) не как эклектичных, а как способных проявить методологический функционал в рамках триадической модели автора.

—Заслугой автора выступает превращение спекулятивной онтологии в практический инструментарий - «диаферетику». В авторской концепции присутствует не просто описание мира как конфликта, но предлагаются императивы для действия в нем. Это делает данный онтологический проект практикоориентированным, с сохранением теоретической онтологической рефлексии. Это убедительно это показано в кейсах.

— Несмотря на некоторый механицизм, данная работа ценностно окрашена и глубоко этична. Этика Тристазиса - это этика ответственности за усложнение системы, за «вечное становление», за расширение свободы, что ведет к новому гуманизму, открывающему перед современным человеком необозримые горизонты. Принятие конфликта как онтологической нормы автор считает главной добродетелью мыслящего субъекта.

Критические замечания и дискуссионные моменты. Несмотря на внутреннюю стройность, в текста наличествует ряд концептуальных уязвимостей:

— Перегруженность неологизмами. Иногда кажется, что автор изобретает новый термин без достаточных на то оснований (например, «Диаференсис» во многом пересекается с делезовским «Различием» или «Гетерогенностью» Ж. Батая). Местами текст страдает от избыточной пафосности: «мужество смысло-творения», «соучастие в мире, который более не гарантирует нам смысла» и др. Стилистически в тексте наблюдается смешение жанров (академическое исследование и философский манифест).

— В работе не до конца проработан концепт Хоры, в котором разворачивается логика Тристазиса. Требуется более детальная проработка того, как «пассивно-активный субстрат» (Хора) соотносится с конкретными «активными агентами» в физическом мире.

— В онтологической модели Тристазиса не до конца прояснённой остаётся проблема субъекта. В мире, где все есть конфигурация трех безличных сил, откуда возникает «архитектор напряженности», «смотритель» или даже рефлексирующий «терапевт»? Каким образом из взаимодействия «операторов» эмерджментно возникает сознательный, ответственный и мыслящий субъект? Ответ автора, что субъект есть «эмерджментное качество» конфигурации самой системы, уязвим для критики. Автор либо предлагает некий таинственный скачок, либо незаметно вводит субъекта, оставляя его природу не прояснённой до конца (качеством субъектности обладают онтологические начала, или речь идет о человеке, или о новых интеллектуальных агентах?).

— Концепции автора свойственен определенный утопизм относительно практических решений, которые предлагаются для «терапии» корпораций или государства («лаборатория смыслового инвестирования», «главный философ в

совете директоров», «институционализация жеребьевки как политической практики» и пр.). Предлагаемые решения выглядят как мало реалистичные сценарии. Автор сам называет их «онтологическими диверсиями», что снимает обвинение в наивности, но оставляет вопрос о практической ценности этих разделов для тех, кто ищет не эпатажа, а работающих инструментов.

— Авторская концепция Тристазиса грешит определенным редукционизмом. Имеет место попытка применить триаду к предельно разнородным явлениям - от корпоративной культуры до экологического кризиса, от обсессивно-компульсивного расстройства до парламентских процедур. По нашему мнению, авторская концепция с ее притязанием на универсализм не верифицируема в некоторых областях. В ряде случаев это выглядит как попытка искусственно «втиснуть» реальность в «прокрустово ложе», предлагаемой автором трехчастной онтологической модели. Справедливости ради следует отметить, что автору свойственно самокритичность, поскольку он постоянно подвергает свою онтологическую модель имманентной критике (задается вопросом о том, не схематизирует ли он динамику развития сложных систем).

— В тексе присутствуют противоречивые утверждения. В частности говоря об антигуманизме, как определённом этапе в развитии человечества, автор понимает его как освобождение от прежних антропоцентристских установок и возможность выхода человека к новым горизонтам свободы и ответственности. Но тогда возникает вопрос: насколько уместно использовать понятие «антигуманизм»? Может быть Тристазис порождает новую форму гуманизма?

Еще один момент на который хотелось бы обратить внимание. Автор пишет, что методология Тристазиса - это не «философия для мирного времени», но в его концепции вообще не присутствуют состояния мира, покоя, статики. Последние, по замыслу автора, всегда относительны и имманентно содержат в

себе конфликт, динамику транзита. Поэтому насколько уместно говорить о «мирном времени», которого как такового не существует в данной онтологической системе.

В целом, следует отметить, что монография Д. С. Ушакова «Тристазис»: парадигма, архетипика, метаморфозы, практика» представляет собой масштабный философский проект, претендующий на создание универсальной онтологической модели, описывающей современный мир в условиях тотального кризиса. Автор предпринимает амбициозную попытку пересмотреть основания классической метафизики, социальной философии и антропологии, предложив вместо диалектической триады (тезис-антитезис-синтез) и постмодернисткой деконструкции, концепцию перманентного конфликта трех начал — Таксиса, Хизиса, Диаференсиса.

Объем и структура работы свидетельствуют о претензии автора на создание завершенной системы, которая не ограничивается чистой теорией, а имеет практическую ориентированность (онто-инжиниринг), содержит предложения по экстраполяции метода диаферетики к ключевым сферам человеческого существования.

Следует отметить, что автору удалось создать не просто очередную теорию, а целостный и оригинальный способ мышления о мире, обладающий значительным объяснительным потенциалом. Слабые стороны работы — спекулятивность и утопичность — являются продолжением ее достоинств (смелости, универсализма и творческой свободы).

Но самая большая ценность работы, ее смысловое ядро заключается в в том, что автор исходит из понимания философии как универсальной методологии. Он постулирует универсальность трехчастного понимания реальности, действующего всегда и везде. Надо отметить, что такого рода универсализм свойственен только самым выдающимся мыслителям, создающим свои философские системы. Несмотря на критику прежних

философских учений, автор отдает дань уважения классической философской традиции, ее способности выстраивать масштабные модели объяснения мира. Также хотелось бы отметить скромность и самокритичность автора, который не абсолютизирует свою онтологическую модель и не позиционирует ее как истину в последней инстанции, а рассматривает свою концепцию как этап развития философской мысли.

«Тристазис» — это философия для эпохи «интеррегнума», времени крушения прежних смыслов и рождения новых. Она предлагает не столько готовые ответы, сколько ставит новые вопросы, побуждая читателя к интеллектуальным размышлениям. Текст будет интересен и полезен всем, интересующимся метафизическими и экзистенциальными проблемами. Монография Д. С. Ушакова – это смелая заявка на пересборку философского инструментария, успех которой будет зависеть от способности автора удержать баланс между полетом спекулятивной мысли и понятийной строгостью. Данная работа позволяет говорить об авторе как о глубоком и оригинальном мыслителе.

Рецензент:

Доктор философских наук, доцент, профессор кафедры теоретической социологии и методологии региональных исследований

_____Шевченко Ольга Михайловна